

Не отречение Государя, а отречение от Государя

*Доклад на Международной историко-богословской конференции
в Царском Селе, 16-17 июля 1999 года*

Книгу принесли год назад в церковь св. благоверного князя Александра Невского, что во Пскове. Кто принес – остался неизвестным. Белый крест на верхней крышке книги, черный переплет. Ровно 80 лет хранилась эта книга под спудом, и вот, видно, исполнились сроки Божии, чтобы вышла на свет эта святыня, дарованная нам именно сейчас для осознания причин нескончаемых русских бед.

Эта книга – Ветхий Завет – принадлежала последнему Императору Российской Империи, Царю-Мученику Николаю Александровичу Романову, и была взята из вагона императорского поезда в марте 1917 года на железнодорожной станции города Пскова в трагические для России дни, когда она отрелась от своего Государя.

Николай Второй в те дни читал эту книгу, на листах следы его карандаша, а на страницах 220 и 237 тем же карандашом краткие рукописные записи, сделанные рукой Государя.

До появления этой книги по часам, а где и по минутам были известны внешние обстоятельства т.н. отречения Императора, их не один раз перетолковывали участники и соучастники события, кто оправдываясь, кто бахвалясь, кто претендуя на роль объективного летописца. Ныне мы обрели самого беспристрастного свидетеля событий конца февраля – начала марта 1917 года: духовного свидетеля того, о чем думал в эти часы Царь, как он шел к своему решению оставить Российский Престол. Тем же карандашом, которым Государь отчеркивал строки Слова Божия в Вечной Книге, он подписал документ, встреченный бешеными рукоплесканиями и безумной радостью врагов России, представленный ими как отречение Царя от России, а на самом деле это Россия в те страшные часы отрелась от своего Государя. С марта 1917 года этот документ настырно выдается за Манифест отречения Николая II от Престола. Громадная ложь в истории России.

Исчисление событий, непосредственно связанных с отречением Государя, надо вести, очевидно, с 14 февраля 1917 года, когда недовольные скудостью жизни военного времени толпы вышли на улицы Петрограда с лозунгами

«Долой войну!», «Да здравствует республика!». 17 февраля стачечная зараза охватила крупнейший Путиловский завод и чумовой волной покатила по всему городу. Рабочие громили хлебные лавки, избивали городских. 23 февраля бастовало уже 128 тысяч человек. 26 февраля восстала распропагандированная революционерами 4-я рота запасного батальона Павловского гвардейского полка, которая открыла огонь по полиции, пытавшейся пресечь беспорядки. Начался переход петроградского гарнизона на сторону толпы... К этому времени уже весь Петроград захлестнули демонстрации рабочих, требовавших хлеба, преступным умыслом не подвозимого в город, намеренно не продаваемого в лавках. Начался народный бунт, спровоцированный масонским заговором. Масонам мало было Государственной думы, они рвались к всевластию в России. Им мешал монархический строй, преградой на их пути стоял Государь.

Государя Николая Александровича и до того нельзя было упрекнуть в нерешительности, а в те мятежные дни жесткость его приказов на подавление предательского бунта в столице была поистине диктаторской. Вечером 25 февраля генерал Хабалов получает приказ Государя о немедленном прекращении всех беспорядков в столице – там громили магазины, грабили лавки, избивали и убивали городских. В помощь Хабалову Государь посылает из Ставки корпус генерала Иванова. Считая и это недостаточным, едет поездом к командующему Северным фронтом генералу Рузскому, чтобы направить в Петроград подтянутые с фронта войска. Не медля, Царь подписывает Указ о приостановке на месяц работы Государственной думы и Государственного совета. Деятельность думских говорунов объявляется незаконной. По замыслу Государя власть сосредотачивается в его руках и руках его правительства с опорой на верную Царю Армию.

Но события развиваются вопреки воле Государя. Его приказы не выполняются. Генерал Иванов не доводит свой корпус до Петербурга. Солдаты петербургских полков отказываются подчиняться генералу Хабалову. Дума противится указу Государя, организует Временный комитет, а затем на его основе Временное правительство... Будь у Государя в тот момент хотя бы триста солдат, преданных ему, присяге и закону, способных исполнить железную волю Царя, Россию можно было бы удержать на краю разверзшейся пропасти: думский Временный комитет разогнать, Советы «рачьих и собачьих депутатов», как их тогда называли умные люди, расстрелять. Но в Пскове Государь встретил от командующего Северным фронтом генерала Рузского не верности себе, присяге и крестоцелованию, а... требование отречения. Генерал-адъютант

(высшее маршальское звание в царской армии) Рузский, исполняя порученную ему Временным комитетом роль, предложил Николаю Второму «сдаться на милость победителя». Генерал царской свиты Дубенский вспоминал потом: «С цинизмом и грубой определенностью сказанная Рузским фраза 'надо сдаваться на милость победителю' с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот».

Стремительна измена не только Рузского, который два месяца спустя похвалялся в газетных интервью о своих «заслугах перед революцией», но всего поголовно командования Армии. Вот свидетельство самого Рузского: «Часов в 10 утра я явился к Царю с докладом о моих переговорах. Опасаясь, что он отнесется к моим словам с недоверием, я пригласил с собой начальника моего

штаба генерала Данилова и начальника снабжений генерала Саввича, которые должны были поддержать меня в моем настойчивом совете Царю ради блага России и победы над врагом отречься от Престола. К этому времени у меня уже были ответы Великого князя Николая Николаевича, генералов Алексеева, Брусилова и Эверта, которые все единодушно тоже признавали необходимость отречения».

«Кругом измена, трусость и обман», – записал Государь в своем дневнике.

Одни сознательно изменяли – Алексеев, Рузский, Брусилов, Корнилов, Данилов, Иванов. Другие трусливо покорялись изменникам, хоть и проливали слезы сочувствия Императору, – его свитские офицеры Граббе, Нарышкин, Апраксин, Мордвинов. Третьи, вырывая у Императора отречение, лгали ему, что это делается в пользу Наследника, на самом деле стремясь к свержению монархии в России. Зловещие фигуры Временного комитета Государственной думы – Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский, Шульгин – разномастная и разноголосая, но единая в злобе на русское Самодержавие свора подлецов и предателей России.

1 марта 1917 года Государь остался один, практически плененный в поезде, преданный и покинутый подданными, разлученный с семьей, ждавшей и молившейся за него в Царском Селе. Оставшись один, Николай Александрович берет себе в совет и укрепление Слово Священного Писания, читает, подчеркивает избранное. Первое, что непреложно встает из государевых пометок в Библии, – твердая вера Императора в Божий Промысел, убежденность, что Господь с ним: «Не бойся, ибо Я с тобой» (Быт. 26, 24), «Не бойся, Я твой щит»

(Быт. 15, 1), «Бог твой есть Бог благий и милосердый, Он не оставит тебя и не погубит тебя» (Второзак. 4, 31), «Бог ваш идет пред вами, Он будет сражаться за вас» (Второзак. 1, 30)...

Ни одно имя в истории России так не изолгано, как имя Царя-Мученика и его святой Семьи. Горы неправды приходится повергать тому, кто пытается добраться до истины отречения. Но теперь у нас есть правдивейший свидетель события, его причин и следствия – Слово Священного Писания, выделенное Императором в лад своим мыслям, в обоснование своему решению, в утверждение своему предвидению.

Нет, это не много раз поставленная в вину Императору досужими неверами нерешительность или безволие, или стремление уклониться от принятия жестких мер, покорившись фатальной неизбежности, ведь Православие отрицает неизбежность Божьего гнева, допуская возможность живой молитвой изменить сроки Божьего наказания согрешившему народу. Царь берет на себя эту живую молитву, потому что он Богопомазанник – выразитель воли Божией своему народу и одновременно предстатель перед Богом за народ. Высвечиваются отчеркнутые им слова: «Господь Бог, перед лицом Которого я хожу» (Быт. 24, 40), «Постойте, я послушаю, что повелит о вас Господь» (1 Числ. 9, 8), «А что мы значим, что вы на нас ропщете? Не на нас ропот ваш, но на Господа» (Исх. 16, 7-8).

Высокое назначение и бремя своего служения Государь видит в строках: «Будь ты посредником от народа пред Богом и представляй Богу дела его» (Исх. 18, 19), «Научай его постановлениям Божиим и законам Его, указывай ему путь Его, по коему он должен идти, и дела, какие он должен делать» (Исх. 18, 19-20). А вот он подчеркивает в Библии иное условие своего служения, исполнение которого зависит не от него одного: «Ты же усмотри себе из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ними тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятина начальниками и десятиначальниками. Пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: таким образом, облегчи себя и они пусть несут с тобою бремя. Если ты так поступишь, и Бог повелит тебе, то ты сможешь устоять, и весь народ сей с миром пойдет в свое место» (Исх. 18, 21-23).

Не оказалось рядом таких людей – боящихся Бога, любящих правду, ненавидящих корысть, верных присяге. Все выступили изменниками – от рядовых солдат питерских запасных полков до главнокомандующих фронтами, до ближайшей родни, великих князей. Никто не захотел понести с ним бремя. Ге-

нерал Рузский предложил – и кому?! Государю своему! – «сдаться на милость победителю». Какому «победителю»? Горстке взбунтовавшейся, подстрекаемой иудеями черни, ее «советам», возглавляемым Цедербаумом, Даном, Аксельродом...? Масонскому Временному комитету, незаконность которого признавал сам член этого комитета Милюков: «Меня спрашивают, кто вас избрал? Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага...» Какого врага, кто для масона Милюкова враг? Помазанник Божий, Российский Государь!

Генерал Алексеев, которому Государь доверил Ставку и руководство военными действиями, «настоятельно советует отречься», собирает в поддержку подобные «рекомендации» от всех командующих фронтами. Великий князь Николай Николаевич шлет Царю «верноподданическую мольбу» с требованием отречения и постыдно суетливо спешит сообщить об этом в заискивающей телеграмме Председателю думы Родзянко: «Сейчас я в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексеева обратился к Государю Императору с верноподданической мольбой – ради спасения России и победоносного окончания войны принять решение, признаваемой нами единственным выходом при

создавшихся роковых условиях. Главнокомандующий кавказской армией генерал-адъютант Николай».

Не было рядом с Государем иных, верных России людей – кто умер, многие были убиты: Победоносцев, Столыпин, Трепов, Плеве... Остались одни предатели. Великий князь Кирилл Владимирович, явившись в Думу с красным бантом на груди, сдал вверенную ему Императором морскую гвардию в полное распоряжение «нового правительства». Не замедлили присягнуть Временному правительству и Великие князья Александр Михайлович, Борис Владимирович, Сергей Михайлович, Дмитрий Константинович, Николай Константинович, Гавриил Константинович и Игорь Константинович.

Даже охрана Царя, собственный Его Величества Конвой, остававшийся в Петрограде, заявил Государственной думе о своем отступничестве от Государя. Очевидец рассказывал, как поезд Императора прибыл в Царское Село: «В поезде с Государем ехало много лиц свиты. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам... Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин, между прочим, близкий друг Государя с детских лет».

По строкам Святого Писания, отмеченным тонким карандашом Императора, ясно читается поиск ответа на мучивший в это время Николая Александровича вопрос, что случилось с его народом, так стремительно изменившим своему природному Царю: «Что мне делать с народом сим, еще немного, и они побьют меня камнями» (Исх. 17, 4). «Господи, для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил в чреве весь народ сей? и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его в недре твоём, как нянька носит ребенка?.. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжёл для меня» (Числ. 11, 11-14).

Бремя заступничества за народ-изменник, народ-бунтовщик, народ, требовавший заменить Царство республикой, – в самом деле непосильное и напрасное тягло, но Царь не отрекается от своего народа. Царский карандаш решительно подчеркивает в Библии: «И так простишь ли грех их? А если нет, то изгладь меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32, 32-33).

Как совпадают эти строки с известным видением митрополита Макария Московского: «Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю: Видишь, в моих руках две чаши – вот это горькая для твоего народа, а другая сладкая для тебя. Государь падает на колени и долго молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо его народа. Господь долго не соглашался, а Государь все неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух... Заснув вторично, я вижу громадное поле покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окруженный множеством народа, и своими руками раздает манну. Незримый голос в это время говорит: «Государь взял вину русского народа на себя и русский народ прощен». Государь, действительно, говорил в те дни, и это осталось в письменных свидетельствах очевидцев: **«Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России, я буду этой жертвой, – да свершится воля Божия!»**

Мысль об искуплении греха народа, посягнувшего на уничтожение Царства, не отступает от Государя и в псковском поезде. В Святом Писании видит он решение и подчеркивает: «Пошел гнев от Господа и начал поражать людей...» Тогда первосвященник «заступил народ. Стал между мертвыми и живыми и прекратилось поражение» (Числ. 16, 46, 48).

Вот он, исход решения Императора Николая Александровича «встать между мертвыми и живыми» - теми, кто уже был мертв, отступив от Бога и Его помазанника и теми, кто оставался верен Царю, но медлил в бездействии или пребывал в неведении грядущей опасности. Опасность гибели всех была как

никогда реальной. **Ведь мы, русские, до конца своих дней связаны всеобщим постановлением, принятым Всероссийским Земским собором в 1613 году, связаны клятвой русского народа на вечную верность Царскому роду Романовых, клятвой, данной нашими предками за себя и за нас, своих потомков.** Нарушение сего соборного постановления кем бы то ни было – царем ли, народом ли, с роковой неизбежностью влечет неисчислимыя бедствия русскому народу и его Царству. Вот где ждал нас конец, вот когда Россия, русские близко были к гибели.

Стремлением «заступить между мертвыми и живыми» и спасти русский народ был выверен каждый шаг Царя на псковской станции с символическим названием Дно. Не растерянно, не колеблясь, не кидаясь загнанным зверем из стороны в сторону, обложенный красными флажками революции, действует Государь. Государь действует спокойно и уверенно, согласуясь со Словом Завета. И враги его, и отступники потрясенно отмечали в те дни, что Царь был необыкновенно спокоен. Он был спокоен, потому что знал, что делает, потому что был уверен в правоте исполяемого им долга, потому что каждый шаг его был выверен Священным Писанием. Самое важное для него было уйти так, чтобы его уход не обернулся пагубой для всего народа.

Хронику появления документа, который по сей день умышленно ложно называют «Манифестом об отречении», воспроизведем по воспоминаниям одного из главных действующих лиц трагедии, генерала Рузского.

1 марта 1917 года «часа в три Царь пригласил меня и заявил, что Акт отречения им уже подписан и что он отрекся в пользу своего Сына. Он передал мне подписанную телеграмму об отречении». Вот ее текст: *«В тяжелую годовину ниспосланных тяжких испытаний для России Мы, не имея сил вывести Империю из тяжелой смуты, переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу желаниям русского народа, сложить бремя врученной нами от Бога власти.*

Во имя величия возлюбленного русского народа и победы над лютым врагом призываем благословение Бога на Сына Нашего, в пользу которого отрекаемся от Престола Нашего. Ему до совершеннолетия регентом Брата Нашего Михаила Александровича...»

В ту ночь Государь вспоминает святую жертву праотца Авраама, не пожалевшего ради любви к Богу своего единородного сына. Это видно по тем

строчкам, что подчеркнуты Николаем Александровичем в Писании: «И когда они пришли на место, которое указал ему Бог, тогда Авраам устроил там жертвенник... и, связав сына своего, положил его на жертвенник». И сказал Бог Аврааму: «Теперь я знаю, что боишься Бога, когда ты не пожалел сына твоего, единственного твоего для Меня» (Быт. 22, 9, 12).

Снова обратимся к воспоминаниям Рузского: «В штабе мне подали телеграмму за подписью Гучкова и Шульгина с извещением, что они в три часа тридцать пять минут выехали в Псков. Получив эту телеграмму, я воздержался от опубликования 'Манифеста об отречении'. В момент приезда комиссаров я находился в своем вагоне... Когда я вошел в вагон к Царю, А.И. Гучков докладывал ему подробно о последних событиях.

Особенно сильное впечатление на Николая Второго произвел переход его личного Конвоя на сторону восставших войск. Этот факт его настолько поразил, что он дальнейший доклад Гучкова слушал уже невнимательно. На вопрос Царя, что ему делать, Гучков тоном, не допускавшим двух решений, заявил: 'Вам нужно отречься от Престола'. Царь спокойно выслушал это заявление комиссара исполнительного комитета. После долгой паузы он ответил: 'Хорошо, я уже подписал Акт об отречении в пользу моего Сына, но теперь я пришел к заключению, что сын мой не отличается крепким здоровьем, и я не желаю с ним расстаться, поэтому я решил уступить Престол Михаилу Александровичу'. Комиссары не возражали. Царь вышел с Фредериксом в соседний вагон, составил новый текст отречения и вернулся в вагон, в котором находились комиссары. В течение десяти минут царило тягостное молчание. Наконец, явился Фредерикс с напечатанным на машинке актом отречения, который Царь тут же подписал».

Так возник документ, который заговорщики называли «Манифестом отречения Николая Второго» и в мартовских газетах 1917 года он был опубликован с фальшивым титулом «Манифест. Мы, Божией Милостию Николай Второй...», как это было принято в настоящих Императорских Манифестах. На самом деле это была всего-навсего телеграмма Государя в Ставку, начальнику штаба Алексееву:

«Ставка. Начальнику штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок

час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственною думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа и законодательных учреждений, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

г. Псков, 2-е марта 15 час мин. 1917 г. Николай.»

Был ли этот документ Манифестом отречения Царя от Престола? Нет, не был. Прежде всего, потому, что этот документ намеренно составлен Государем с нарушением Закона. Николай Александрович не мог, не имел права при живом наследнике передавать монаршескую власть своему брату. То, что подобное отречение незаконно, было ясно уже тогда всем, кто окружал Царя, и сознательным изменникам, и трусливым попутчикам. Отречение Царя вообще не предусмотрено законом о Престолонаследии. Согласно другим законам Российской Империи, опекун, а именно таковым Государь являлся по отношению к своему сыну, не мог отказаться за наследника от прав наследника до достижения им совершеннолетия.

Об очевидной незаконности передачи власти Михаилу Александровичу пишет в своих воспоминаниях свитский полковник Мордвинов: «Они сомневаются, вправе ли Государь передать Престол Михаилу Александровичу, минуя Наследника, и спрашивают для справки основные законы. Знаю почти заранее, что они вряд ли будут по смыслу противоречить обычным законам, по которым опе-

кун не может отказываться ни от каких прав опекаемого, а значит, Государь до совершеннолетия Алексея Николаевича не может передать Престол ни Михаилу Александровичу, ни кому-либо другому. Ведь мы присягали Государю и его законному Наследнику, а законный Наследник, пока жив Алексей Николаевич, только один».

Телеграмма Государя в Ставку, подложно названная «Манифестом об отречении», была последним призывом Государя к Армии. Из этой телеграммы всякому честному и верному офицеру становилось ясным, что над Государем совершается насилие, что это государственный переворот. Почему Государь и избрал форму телеграммы в Ставку, знал, что она будет немедленно разослана в войска торжествующими генералами-изменниками, а там оставались еще верные Царю, присяге, крестоцелованию командиры и солдаты.

Именно так, как призыв к действию, к спасению Трона и России, понял эту телеграмму командир 3-го конного корпуса генерал-лейтенант Федор Артурович Келлер. Собрав представителей от каждой сотни и эскадрона вверенных ему частей, он сказал: «Я получил депешу об отречении Государя и о каком-то временном правительстве.

Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю: '3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя'». «Ура! Ура! – закричали драгуны, казаки, гусары. – Поддержим все, не дадим в обиду Императора!» Подъем был колоссальный.

Все хотели спешить на выручку плененного Государя. Но генерал-лейтенант Келлер был немедленно отстранен Ставкой от командования корпусом.

Еще один честный офицер – начальник штаба отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса полковник А.Г. Викенен – от лица своего командира генерал-адъютанта Хан-Нахичеванского, в ту пору отсутствовавшего, отправил телеграмму Царю, а он имел на это право в чрезвычайных обстоятельствах: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский». Когда Викенен доложил эту депешу прибывшему Хану,

тот пришел в такую ярость, что Викенен все понял, после доклада ушел к себе и застрелился.

Итак, 2 марта 1917 года Царь не отрекся от Престола. Во-первых, он не имел права на отречение, это являлось нарушением Соборного постановления и закона о Престолонаследии.

Во-вторых, Государь, фактически плененный заговорщиками в Пскове, по царскому своему служению не имел права безвольно покоряться их силе. И тогда он составляет заведомо незаконный документ и телеграммой рассылает его по армии, давая своему народу, присягавшим ему войскам и их командирам, последнюю возможность не изменить присяге, стремится отвести свой народ от клятвопреступления, от нарушения Соборной клятвы.

Николай Александрович намеренно составляет телеграмму в такой форме, ибо никакую другую телеграмму начальник Штаба Ставки генерал-предатель Алексеев не разослал бы по Армии. Это был единственный в истории Государства Российского документ, который Царь подписал карандашом. Тем же самым карандашом он подчеркивал в те трудные часы священные строки: «Вместо отцов ваших восстали вы, отродие грешников» (Числ. 32, 14), «Все мысли и помышления сердца их были во всякое время только зло» (Быт. 6, 5).

Последний призыв Государя Николая Александровича к своей Армии 2 марта 1917 года остался не услышанным.

3 марта великий князь Михаил Александрович садится с самозванным Временным комитетом обсуждать условия своего «отречения». Не имея никаких законных прав ни на Престол, ни на принятие подобных решений, он подписывает «манифест», составленный для него масонами Набоковым, Милуковым, Гучковым, Керенским:

«Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в учредительном собрании, установить образ правления и новые законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

В тот же день Государь записал в своем дневнике: «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость».

Воистину «не следуй множеству, чтобы не делать зла». В этих словах Св. Писания, подчеркнутых Государем, видел он предупреждение об опасности следования не за Богом, а за большинством, т.к. последнее порождает зло и извращает справедливость.

Всеобщее, прямое, равное и тайное голосование, которое Государь в своем дневнике называет «четырёххвосткой», – самое настоящее «следование множеству», которого стремился избежать Государь. С юношеских лет он помнил скорбный опыт своего деда Александра II, пытавшегося «даровать народу» Конституцию и выборы. Сановники с Лорис-Меликовым во главе склонили Александра II подписать Акт о вступлении России на западно-европейский конституционный путь, уверяя Императора, что это единственный спасительный выход для России. Утром 1 марта 1881 года Акт был подписан. Затем Император поехал в Манеж, предполагая скоро вернуться во дворец и вручить подписанный акт сановникам во главе с Лорис-Меликовым. Но Господь распорядился иначе. На пути из Манежа во дворец Государь падает от руки гнусного убийцы-социалиста.

Взошедший на престол Государь Александр III в первый же день своего воцарения разорвал конституционный акт Лорис-Меликова. В одной из последних бесед с сыном, тогда Наследником Престола Николаем, Александр III коснулся мученической смерти своего покойного отца, его ошибки идти против Соборного постановления.

«И так простишь ли грех их? А если нет, то изгладь меня из книги Твоей, в которую Ты вписал...»

Вечером 3 марта, вслед за полученным известием «об отказе от Престола» Михаила Александровича, Император прибыл в Ставку в Могилев и отдал генералу Алексееву новую телеграмму.

«Председателю госуд. думы. Петр.

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу моего Сына, чтобы он остался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. Николай».

Вот он, тот самый документ, не обнародованный тогда, но он существует и свидетельствует о неотменности Царского Самодержавия в России по сей день. Изменник Алексеев не послал телеграммы, «чтобы не смущать умы», и

никому не показывал ее, держал в своем бумажнике. Лишь в мае 1917 года, оставляя верховное командование Армией, с которого его выкинуло Временное правительство, он передал этот величайший по значению документ генералу Деникину, то и тот в силу своих демократических убеждений, не придал должного значения великим Царским словам.

Итак, все было кончено. Арестованного Государя поезд увозил из Могилева в Царское Село, куда уже явился генерал Корнилов с поручением от Временного правительства пленить Семью Царя. **И никому в тот час в России, видимо, не приходило в голову, что прогнать Царя можно только вместе с Господом, на нем благодатно пребывающим. Бог же поругаем не бывает, и за изгнание Своего Помазанника отомщает ослушливому народу.**

Один Государь помнил об этом и скорбно отмечал в св. Писании вещице слова о грядущем наказании России: «Если же не послушаете Меня, и не будете исполнять всех заповедей сих, и если презрите Мои постановления, и если душа ваша возгнушается Моими законами, так-что вы не будете исполнять всех заповедей Моих и нарушите завет Мой, то и Я то же сделаю с вами, и пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, которые повредят глаза и измучат душу... И вы будете побиты врагами вашими... Я в семеро увеличу наказание за грехи ваши и сломя гордое упорство ваше.

Напрасно будет истощаться сила ваша; и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет; хлеб, подкрепляющий человека, истреблю у вас, и будете есть плоть сынов ваших и плоть дочерей ваших будете есть. Разорю высоты ваши и разобью статуи ваши, и повергну трупы ваши на трупы идолов ваших; и возгнушается душа Моя вами. Города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши. А вас рассею между народами, и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены... Оставшимся из вас пошлю в сердца робость...» (Лев. 26, 14-36). «Страшно будет то, что Я сделаю для тебя» (Исх. 34, 10).

Все предреченное исполнилось вскоре. Поражение от врагов в Первой мировой и в годы гражданской войны, ужас и горячка тифозных эпидемий и моров, повальный голод и людоедство в особо голодавших губерниях, мстительный меч репрессий и раскулачивания, ниспровержение идеалов сначала февральской демократии, потом октябрьского большевизма, разорение церквей, выморочные города и села, по всему миру рассеянная русская эмиграция, а у оставшихся в России – бездонный вечный страх, вплоть до сегодняшнего повиновения врагу...

Кажется все, что есть в этом пророчестве, обрушилось на нас, исполнилось с горестью подчеркнутое Государем: «Тогда вострепетало сердце их, и они в изумлении говорили друг другу: что это Бог сделал с нами?» (Быт. 42, 28). Но слов этих пока не слышно в обществе, а ведь дальнейшая наша судьба по слову Св. Писания зависит от того срока, когда мы скажем: «Что это Бог сделал с нами?» «Мы видели скорбь души его, когда он умолял нас, но не послушали его, за то постигла нас скорбь сия» (Быт. 42, 21).

Из тех, кто изменил Государю, предал, струсил, промолчал, устранился, каждый до дна испил свою чашу возмездия Божия. Уже в 1918 году нет ни генерала Алексеева, ни генерала Рузского, ни генерала Корнилова; изгнанные сначала Временным правительством, потом большевиками, они пытались организовать белое сопротивление, – все тщетно. Как отмечал Государь: «Это будет безуспешно. Не ходите; ибо нет среди вас Господа, чтоб не поразили вас враги ваши... вы падете от меча, потому что вы отступили от Господа и не будет с вами Господа» (Числ. 14, 41-43).

Генерала Рузского зарубили красноармейцы в Краснодаре, страшной смертью погиб генерал Корнилов, генерал Алексеев умер от болезни, по свидетельству соратников «мучимый угрызениями совести иудова греха». Гучковы и керенские, попраздновав недолгие восемь месяцев победу над самодержавием, были изгнаны за границу и умерли в бесчестии, а земля наша как была предана в руки врагов-иноземцев, так и поныне в их руках пребывает.

Если что и может сегодня изменить участь нашу, то это осознание нашей соборной вины перед Государем, покаянная молитва к Богу с мольбой о прощении, наше горячее желание восстановить в России Царство. Об этом молил Бога Государь в страшные мартовские дни 1917 года: «Господь медлен на гнев и велик в милости, прощает беззакония и преступления, но виновного не оставляет без наказания, наказывает беззаконие отцов в сынах, до третьего и четвертого рода. Прости грех народу сему по великой милости Твоей» (Числ. 14, 18-19).

Татьяна Миронова

Перепечатано из газеты «Русский Вестник», № 32-33 за 1999 г.

www.holi-transfiguration.org